

Департамент культуры Кировской области
Кировская ордена Почета государственная универсальная
областная научная библиотека им. А. И. Герцена

ЗЕЛЕНИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

Материалы
Всероссийской научной конференции
(Киров, 12 ноября 2013 года)

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

ГЕРЦЕНКА
Киров, 2013

УДК 39
ББК 63.4
3 48

Редакционная коллегия: С. Н. Будашкина (составитель)
Н. П. Гурьянова
В. А. Поздеев (научный редактор)
М. С. Судовиков (научный редактор)

Зеленинские чтения (I ; 2013; Киров)

- 3. 48** Зеленинские чтения [Текст] : материалы Всерос. науч. конф. (Киров, 12 ноября 2013 г.) / Киров. ордена Почёта гос. универс. обл. науч. б-ка им. А. И. Герцена ; редкол.: С. Н. Будашкина (сост.) [и др.] ; науч. ред.: В. А. Поздеев, М. С. Судовиков. – Киров, 2013. – 296 с.

ISBN

Сборник материалов Зеленинских чтений включает новые работы исследователей Санкт-Петербурга, Москвы, Перми, Сыктывкара, Твери, Казани, Новосибирска, Н. Новгорода, Ижевска, Йошкар-Олы, Кирова и Кировской области по вопросам духовной культуры российских регионов, этнографии, наследия Д. К. Зеленина, истории Вятского края.

УДК 39
ББК 63.4

ISBN

© КОГБУК «Кировская ордена Почёта государственная универсальная областная научная библиотека им. А. И. Герцена», 2013

⁴³ Фёдорова В. П. Свадьба в системе календарных и семейных обычаев старообрядцев Южного Зауралья. Курган, 1997. С. 184–189.

⁴⁴ Максимов С. В. Год на Севере. Архангельск, 1984. С. 493.

⁴⁵ Бернштам Т. А.: 1) Девушка-невеста и предбрачная обрядность в Поморье в XIX – начале XX в. // Русский народный свадебный обряд : исслед. и материалы / под ред. К. В. Чистова и Т. А. Бернштам. Л., 1978. С. 55–56; 2) Русская народная культура Поморья в XIX – начале XX в. : этногр. очерки. Л., 1983. С. 118, 169.

⁴⁶ Дранникова Н. В. Этнокультурная традиция мезенской деревни Сояны // Живая старина. 2010. № 4. С. 55.

⁴⁷ Пашина О. А. Система съезжих праздников на средней Мезени и их музыкальное оформление // Рябининские чтения – 2007 / отв. ред. Т. Г. Иванова. Петрозаводск, 2007. URL: <http://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-2007/345.html/>

⁴⁸ Колпакова Н. П. У золотых родников : (зап. фольклориста). СПб., 2002. С. 148–149. Ср. публикацию вариантов этой песни: А в Усть-Цильме поют... Традиционный песенно-игровой фольклор Усть-Цильмы : (сб. к 450-летию села) / под ред.: А. Н. Розова, Ю. И. Марченко, Н. С. Сергиевой. СПб., 1992. С. 56–57; см. также комментарии: с. 190–191.

⁴⁹ О приуроченности усть-цилемской «Горки» к Петрову дню см.: А в Усть-Цильме поют... С. 16. В последние десятилетия, примерно с середины XX в., именно Петров день стал основной датой празднования (Дронова Т. И. Усть-Цилямская горка: от обряда к республиканскому празднику // Этнографическое обозрение. 2011. № 4. С. 51).

⁵⁰ Забылин М. Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М., 1880. С. 82–83; Сахаров И. С. Сказания русского народа: Народный дневник. Праздники и обычаи. СПб., 1885. С. 213.

⁵¹ Фет А. Воспоминания. М., 1983. С. 249–250.

⁵² О летних предбрачных обрядах и о летнем времени заключения браков см.: Коршунков В. А. Летние празднества у русских и финно-угров Северо-Востока европейской части России и календарная приуроченность времени заключения браков // VI Конгресс этнографов и антропологов России, С.-Петербург, 28 июня – 2 июля 2005 г. : тез. докл. / отв. ред. Ю. К. Чистов. СПб., 2005. С. 266.

ТРАДИЦИОННЫЙ СЦЕНАРИЙ СИБИРСКОЙ СВАДЬБЫ (по рукописным крестьянским воспоминаниям)*

Г. В. Любимова

«Наивная литература», или тексты, написанные людьми «неписменной культуры» и не владеющими нормами литературного языка, известны, по крайней мере, с первой половины XIX в. Однако лишь во второй половине XX в. это явление приобрело массовый характер¹. Возникновение самого феномена «наивного письма» явилось следствием глубоких общественных трансформаций, когда впервые заговорили

те, кто традиционно «безмолвствовал». Массовое «обретение голоса» представителями «безмолвного большинства» сопровождалось становлением нового направления гуманитарных исследований – «истории повседневности» с её вниманием к рядовому участнику исторического процесса – человеку «толпы», его жизненному опыту, эмоциям, ощущению времени и оценкам эпохи, в которую он жил.

Характерным примером «наивной литературы» могут служить крестьянские рукописные воспоминания. Относительная новизна и немногочисленность подобного рода источников обусловлена тем, что лишь небольшая доля мужчин, рождённых в начале XX в., смогла достичь пенсионного возраста – того периода жизни, когда у человека появляется потребность осмыслить прожитые годы, а, кроме того, имеется возможность изложить свои размышления на бумаге. Поколение крестьян, ещё заставших традиционный уклад крестьянской жизни, но уже получивших советское воспитание, пережило раскулачивание, террор, войну и послевоенные трудности. Но главное, считает Н. Н. Козлова, у всех авторов подобных нарративов в прошлом осталась жизнь в традиционной культуре, жизнь, которую они не просто помнят, но «которая занозой сидит в их подсознании», являясь постоянным предметом размышления и точкой отсчёта².

Яркий образец крестьянской мемуаристики представлен рукописным сочинением Сергея Ивановича Курина (1921 г. р.), уникальным источником по истории сибирского переселенческого села³. Авторский стиль изложения (с характерными для «наивных» произведений вкраплениями «официальных» речевых оборотов) отличается преобладанием устного дискурса, поэтому в целом может быть обозначен как «разговорный». Рассказчик незаметно вводит читателя в свою жизнь, воссоздавая обстоятельства, побудившие его взяться за перо: *«После обеденного отдыха, в февральский день... сел за стол перед окном и люблюсь на природу зимы. Всё попряталось под снежным покровом... Когда больше (всего) думается? ...когда нет дел, особенно в одиночку. Вот и я сейчас остался один, жена-старушка вышла к соседям. Мы с ней оба на пенсии»*. Зимний пейзаж неизбежно наводит на размышления об ушедшей жизни: *«Поглядываю в окно, и что же, вы думаете, я вижу? Картину детства своего, что осталось у меня в памяти. Свой край деревни, где я родился и рос помаленьку в крестьянской семье... Вот передо мной сейчас открытая панорама пустого поля, заросшего бурьяном... На этом месте ведь жили люди и долго жили. Хорошие ведь дома были... А сейчас пустырь... голое место осталось»*. Зримые перемены в облике родного села пробуждают в авторе острую потребность передать свои знания о прежней крестьянской жизни современному мо-

лодому читателю: *«Ох, как быстро времечко летит! Хоть бы успеть написать историю Сидоровки».*

Красной нитью через все воспоминания С. И. Курина проходит противопоставление традиционного уклада крестьянской жизни и современного состояния села: *«Как свадьба или праздник – (бывало) гудит Сидоровка весельем. Хоть и жили многие не в достатке, да работали... вручную, умели люди... работать и веселиться. Не то, что сейчас... Всё делалось для себя, для своей семьи».* Опираясь на текст крестьянских рукописных воспоминаний, попробуем реконструировать локальный сценарий традиционной сибирской свадьбы первых десятилетий XX в.

Наиболее благоприятным временем для заключения брака в крестьянской среде считался продолжавшийся с Рождества до Масленицы мясоед. Женитьба и замужество представлены в рукописи как результат предварительной договорённости, в которой хозяйственная мотивация выступает на первый план: *«Начали... свадьбы играть весёлые росейские лапотники... Одному нужно семью пополнить женскими руками... А у некоторых... девок полный двор».* По этой причине отцы нередко сами «навязывали» своих дочерей «ребятам в жены. (Но) не так просто: “бери мою Маньку или Дуньку”, а, вроде, в шутку: “вот был бы ты моим зятем, любил бы я тебя”. А то и так бывало: “женил бы ты своего Кольку на моей Нюрке, хорошие сватовья были бы. И свадьбу гульнули бы”».

Будущую невестку старались подбирать из «ровни» – *«по состоянию хозяйства»* (*«богатые у богатых, бедные у бедных»*). Считалось вполне достаточным, если *«старик или отец парня скажет: “Васка или Колька, женись!”*». Обращаясь к воображаемым читателям, автор пишет: *«Расскажу (один случай)... Старший сын и не думал жениться», а отец у него «крутой был, самонравный... Однажды перед ужином пришёл (домой)... под хмельком... и говорит сыну: “Проньк? Я за тебя невесту со сватал...” – “Кого, тять?” – “Польку симбирскую. Во, баба будет. Особенно на стогу стоять в покос, сено будет плотно лежать... По вкусу я сноху выбрал, возьмём завтра Фёдора с Марьей, да Митроху со Стёшкой и пойдём запой делать...”* Если бы сын, – рассуждает далее С. И. Курин, – *сказал хоть слово против, то была бы ему взбучка. А отец всё равно бы заставил силком под венец стать...»* Реакцией молодых на родительский произвол являлась, как известно, такая форма заключения брака, как свадьба «убегом». Неодобрительное отношение к ней автора следует из скупо упомянутого им поступка родной сестры: *«У моего отца было пять сыновей да одна дочь, и та убегом замуже ушла. Отца с матерью опозорила. Как наши негодовали! Не хотели прощенье давать да благословенье. Но ничего не поделаешь...»* Последнее замечание, по всей ви-

димости, свидетельствует о том, что в новых социальных условиях подобные случаи становились, скорее, нормой, чем исключением из правил.

Традиционный сценарий «сидоровской свадьбы» представлен в рукописи через метафору **купи-продажи**, получавшей на протяжении ритуала реализацию в серии последовательных выкупов партией жениха «ворот», «сундука с добром», «места за столом рядом с невестой», «невестиной косы» и прочих символических ценностей. Само сватовство описано в тексте как торг (*«Сват и сваха из жениховой родни... торги ведут», выбирая при этом себе «места... под матицей, чтобы не попусту болтать, а бить клинья навяряка»*). В то же время описание сватовства пестрит специфическими понятиями советской эпохи («свидетели», «понятые», «доверенные лица» и пр.).

Характерным атрибутом предвенечного этапа «сидоровской свадьбы» был разукрашенный разноцветными лентами берёзовый веник. Накануне бани подруги с невестой, судя по тексту рукописи, садились к жениху в сани, брали с собой гармониста и ездили по улице *«с частушками да прибаутками»*, потрясая этим веником *«у себя над головами»*. Сани для такого случая запрягали *«не одной лошадейкой, а парой или тройкой»*. Да и самому жениху, подчёркивает автор, хотелось похвалиться: *«Посмотрите, добрые люди, как я мчу девчат с веником!»*

Украшенный веник, как было показано в ряде исследований, служил одной из форм предметного воплощения «девьей красоты» – сложного понятия, обозначавшего, по мнению А. К. Байбурина, некую принадлежность, «общее достояние возрастной группы девушек», сближаясь в этом отношении с понятием доли⁴. Катание по селу украшенного веника манифестировало, таким образом, прощание невесты с «девьей волей», связанное с её переходом в группу молодых замужних женщин. Важно отметить, что ритуальные действия с украшенным веником практиковались лишь в тех локальных традициях, где свадебный обряд включал в себя посещение бани. В свадебной сибирской лирике, к примеру, содержится прямое указание на то, что *«расшелковым кудреватым веничком»* невеста смывает в бане *«девью красоту»*⁵. Там же, где баня не входила в состав свадебного ритуала, обычай катать по деревне украшенный веник не фиксируется⁶.

Авторские ремарки позволяют предположить, что такие компоненты свадебного обряда, как причитания невесты в бане и во время последнего заплетания косы, воспринимались в описываемый период как пережиточные. Ср.: *«Подружки песни напевают, какие положено... а невеста голосит с причетом ... Делает вид, что заливаётся горькими слезами... Ничего не поделаешь, нужно исполнять обряд»*.

Описание свадебного пиршества насыщено в рукописи множеством ценных бытовых подробностей, в том числе портретами односельчан, типичными диалогами и приговорными формулами. В прежнее время, оговаривает автор, спиртного «по многу не пили... Но гуляли свадьбы весело... А если кто жадный был на выпивку, его за доброго человека не считали и с неохотой приглашали, чтобы не позорил своим куражем компанию». При этом любое застолье сопровождалось пением «протяжных песен» и «плясками под гармонь». Помимо приглашённых гостей («гулеванов») на свадьбе присутствовало большое количество так называемых «глядельщиков»: «в горнице гости за столами сидят, а прихожая забита... незваными поглядатаями... Интересно (ведь) посмотреть, кто как одетый, у кого какая приколка, да серьги какие Мотька подцепила, а Никитка прям горстей капусту в рот толкает без ложки!»

В целом, воспоминания С. И. Курина дают возможность восстановить такие традиционные компоненты свадебного ритуала, как «сватовство», «запой», «катание по селу украшенного веника», «невестина баня», «выкуп косы», «блиновой день», «тушение огня», «выметание сора» и некоторые другие. Вместе с тем, воздействие начальных этапов модернизации, как можно судить по тексту рукописи, сказывалось не только на традиционной семейной обрядности, но и на всей сфере семейных отношений, что проявлялось в разрушении устоев патриархальной семьи, в том числе в большей свободе молодых при заключении браков. Верхнюю границу бытования традиционных обрядов рассказчик определяет как середину 1930-х гг. («считай до 1935 года»), «пока не было кулацкого погрома», отмечая при этом, что «торможение в развитии» наблюдалось также «в годы германской войны да революционного перемена царской власти на советскую». В целом по своей идейной и эмоциональной направленности сочинение С. И. Курина примыкает к выделяемому в сфере народной публицистики сюжетно-тематическому циклу, условно обозначенному как нарративы о жизни села «раньше и теперь», в которых «предельно остро ставится проблема утраты жизненной среды, необходимой человеку для гармоничной жизни»⁷.

Примечания

* Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации: НИР 6.2069.2011.

¹ «Наивная литература»: исслед. и тексты / сост. С. Ю. Неклюдов. М., 2001.

² Козлова Н. Н. Крестьянский сын: опыт исслед. биопр. // Социологические исследования. 1994. № 6. С. 113–114.

³ Курин С. И. Какой была Сидоровка : рукопись // Колыванский районный краеведческий музей Новосибирской области.

⁴ Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993. С. 70.

⁵ Обрядовые песни русской свадьбы Сибири / сост. Р. П. Потанина. Новосибирск, 1981. № 156 и др.

⁶ Любимова Г. В. Возрастной символизм в культуре календарного праздника русского населения Сибири. XIX – начало XX вв. Новосибирск, 2004. С. 70.

⁷ Соловьева М. Р. Семантика современных устных рассказов русских старожилов Восточной Сибири о разрушении деревень // Народная культура Сибири : материалы XII науч.-практ. семинара Сибир. регион. вузов. центра по фольклору / отв. ред. Т. Г. Леонова. Омск, 2003. С. 220.

ПРОЗВИЩА И ПРИСЛОВЬЯ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ СЕЛА ЛОЙМА РЕСПУБЛИКИ КОМИ

Т. Н. Бунчук

Прозвища и присловья – один из объектов научного наблюдения Д. К. Зеленина. Им посвящено несколько работ этого известного этнографа и лингвиста-диалектолога. Среди них можно назвать такие работы, как «Великорусские народные присловья как материал для этнографии» и «Народные присловья и анекдоты о русских жителях Вятской губернии». Под присловьем вслед за Д. К. Зелениным будем понимать «прозвища, относящиеся не к единичному лицу, а к группе лиц, составляющей собою географическое или этнографическое целое» (Зеленин: 38). Кроме того, понятие «присловье» расширено за счёт включения в него поговорок и анекдотов, связанных с этой группой лиц и характеризующих её (этим присловья отличаются от коллективных прозвищ). Исследование этого пласта народной речи и культуры может помочь выявить особенности быта, истории отдельных социальных групп, а так же, как справедливо в своё время заметил Д. К. Зеленин, могут оказать «незаменимую услугу в характеристике психологии народа или части его – одной из самых трудных задач этнографии» (Зеленин 1: 56).

Лойма – старинное русское село на правом берегу реки Луза (современный Прилузский район Республики Коми). Особенностью Лоймы является то, что это поселение представляет собой своеобразное анклавное образование, так как окружено иноэтническими (коми) селениями. Несмотря на такое положение и тесные связи с коми соседями (а, возможно, и благодаря этому) лоемцы сохранили свой диалект и в определённой степени традиционную культуру.